

Миллиардам читателей сказки Картленд давали
утешение на протяжении трех четвертей века.

Газета «Коммерсант»

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Моя
прекрасная
леди

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Медальон
для невесты

ЭКСМО

Барбара Картленд
Медальон для невесты

«ЭКСМО»

1989

Картленд Б.

Медальон для невесты / Б. Картленд — «Эксмо», 1989

ISBN 978-5-699-66925-7

Всю юность Тара провела в приюте. По воле случая ей предстоит отправиться в Шотландию, в замок вождя древнего клана МакКрейгов. Девушка уверена: ей суждено стать обыкновенной служанкой. Но у МакКрейга на нее другие планы. Очарованный искренностью и красотой Тары, он делает ей неожиданное предложение...

ISBN 978-5-699-66925-7

© Картленд Б., 1989

© Эксмо, 1989

Содержание

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Барбара Картленд

Медальон для невесты

Barbara Cartland
THE CURSE OF THE CLAN
© Barbara Cartland, 1989

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Официальный визит короля Георга IV в Эдинбург, организованный в 1822 году сэром Вальтером Скоттом, прошел с невероятным успехом.

На портрете Дэвида Уилки король изображен в полном облачении шотландского горца – в том самом, в каком он предстал на приеме в Холирудском дворце.

Его величество, большой любитель нарядов, был весьма доволен своей внешностью. Однако нашлись и такие, кто счел эффект его телесного цвета рейтуз, что он носил под килтом, несколько смехотворным.

Мое описание торжеств в шотландской столице соответствует реальным фактам, ибо почерпнуто мною из книги, опубликованной в Эдинбурге в год королевского посещения этого города.

Глава первая

1822

– До чего же приятно снова встретиться с вами, мистер Фолкерк!

При виде мистера Фолкерка женщина поднялась из кресла и сделала несколько шагов навстречу ему, приглашающе вытянув вперед руки. Лицо ее озарилось улыбкой приязни и добросердечной радости.

– И давненько мы уже не виделись, миссис Бэрроуфилд. Дайте-ка вспомнить... – Мистер Фолкерк издал легкий смешок и потер переносицу, при этом из его рукава выглянул безупречно белый манжет рубашки с дорогой изящной запонкой. – Лет пять... – он еще раз потер переносицу и улыбнулся, – нет, шесть! Никакого сомнения. Шесть лет!

– Семь, если уж на то пошло, – шутливо-снижительно отозвалась негромким смехом миссис Бэрроуфилд на математические штудии гостя, с трудом преодолевающие препоны минувших лет. – Но я – и это всем известно – не забываю давних друзей. А вас я, поверьте, всегда считала своим другом. Да-да.

– Весьма польщен, миссис Бэрроуфилд...

И шотландец – а мистер Фолкерк был шотландских кровей – отвесил любезный поклон полной, одетой без особого тщания женщине, после чего легонько откашлялся, как если бы собирался перейти к некому важному и неотложному делу, которое привело его в этот час в этот дом.

– Вам, должно быть, не терпится узнать, зачем я пожаловал...

– Само собой, – хохотнула миссис Бэрроуфилд громче и потербила пальцами пуговку у основания шеи, спрятанную под кружевным воротничком. Воротничок был немного помят, словно его надели наспех, быстро вынув для приема высокого визитера из бельевого ящика. Сизоватого цвета и тоже кружевная, как и воротничок, мантилька в тон ткани платья – блекло-синей – сидела на ее полных плечах чуть неровно, один край несколько перевешивал, но она этого не замечала, поглощенная событием встречи. – Думается мне, не ради моих прекрасных глаз вы пожаловали сюда... – Она прищурила глаза, в которых заплясали веселые огоньки, и сделала особенный жест рукой, подняв вверх указательный палец. – И все ж таки это стоит отметить!

Она тяжело поднялась из кресла, куда успела снова усесться, пока шла их непродолжительная приветственная беседа, и сделала несколько шагов к посудному шкафу.

Достав оттуда бутылку портвейна и пару стаканов, она поставила все на круглый поднос и понесла к столу, на который гость поглядывал с некоторым опасением – уж очень тот казался ему неустойчивым.

Стены комнаты, в которой они сидели, отчаянно нуждались в обновлении их покрытия, да и с мебелью тут было неважно – круглый стол с закругленными ножками, накрытый несвежей вязаной скатертью со свисающими до полу кистями, пара кресел с тут и там потертой обивкой в полоску, старенький секретер с тусклыми латунными ручками и ящичными замочками, давно не чищенными и потому не придающими обстановке того праздничного вида, какой она обычно приобретает, если латунные части мебели, равно как и дверные ручки, заботливой рукой натерты до блеска. Единственным украшением комнаты служили недорогие простенькие безделушки – из тех, что собирают и берегут женщины преклонных лет как память или напоминание о былом, – а огонь, ярко пылавший в скромном камине, придавал всему оттенок уюта, несмотря на то, что стихия огня опасна и чревата немалыми бедствиями, если оставить его без контроля. Но огонь домашнего очага был всегда людям другом, спасителем от голода и ненастья – эти мысли невольно пронеслись в голове мистера Фолкерка, пока он скользил

взглядом по окружающей его обстановке, а миссис Бэрроуфилд совершала немудреные приготовления, дабы приветить его на своей территории.

– Не побудете ли за хозяина, мистер Фолкерк? – призывно спросила миссис Бэрроуфилд с легким оттенком кокетства и снова прищурилась, пряча в глазах лукавые огоньки.

Мистер Фолкерк с некоторым сомнением взглянул на бутылку, после чего налил хозяйке целый стакан, а себе – не больше четверти.

– Совсем вы себя обделили! – тоном упрека заметила миссис Бэрроуфилд.

– В моем положении, – мистер Фолкерк сделал небольшую паузу, – важно сохранять ясную голову, – договорил он с серьезным лицом, взял в руки стакан, со значением взглянув при этом на собеседницу.

– Тоже верно, – согласно кивнула миссис Бэрроуфилд, взяла свой стакан, отпила глоток, поставила стакан на стол перед собой и тоном, как можно более салонным и непринужденным, осведомилась: – Как поживает его светлость?

– Я тут как раз по поручению его светлости, – с готовностью откликнулся мистер Фолкерк после секундной заминки.

– Вот как? – миссис Бэрроуфилд не скрывала немалого удивления. Она откинулась на спинку кресла и приняла позу сосредоточенного внимания. – Стало быть, по поручению его светлости... – Она переплела пальцы рук и снова их расцепила. – А я-то надеялась, вас привела сюда щедрость герцогини.

Было отчетливо видно, что последнее замечание озадачило мистера Фолкерка, и миссис Бэрроуфилд поспешила пояснить:

– Наверняка вы помните, что мать его светлости, герцогиня Анна, проявляла большое участие к нашим сиротам. На Рождество мы получали от нее индеек. И вообще, редко какой год проходил без того, чтобы она не снабжала меня деньгами на нужды приюта. Но с ее смертью все прекратилось.

– Должен признать, эти пожертвования в пользу приюта прошли мимо моего внимания... – Мистер Фолкерк вежливо склонил голову чуть вбок и вперед, выражая этим сочувствие в связи с тем, что он услышал.

– Я так и думала, – величественно кивнула миссис Бэрроуфилд, снова с ноткой упрека. – Однако же я надеялась, что новая герцогиня продолжит эту достойную всяческого поощрения традицию.

Мистер Фолкерк успел еще раз символически пригубить спиртное из своего стакана, прежде чем она добавила, несколько распалившись:

– В самом деле! Кому еще заботиться о приюте, как не семейству его светлости? Ведь все началось с герцогини Харриет!.. – Она многозначительно подержала паузу, чтобы подогреть в собеседнике интерес. Мистер Фолкерк разгадал это намерение и стал внимательно ее слушать, не прерывая.

– Она обнаружила, что одна из ее служанок... – миссис Бэрроуфилд поерзала, подбирая слова поделикатнее, – в интересном положении. И вместо того чтобы вышвырнуть девчонку на улицу, что она сделала? – Пауза. – Да. Она великодушно основала этот приют, который получил название «Приют безымянных». Очень правильное решение!

Миссис Бэрроуфилд хрипловато рассмеялась и перевела взгляд куда-то вдаль за окно. Было видно, что она не прочь пообщаться с гостем и повспоминать прошлое.

– Хорошие то были времена, мистер Фолкерк, скажу я вам! – вновь подала она голос, а он молчал, предоставив своей визави исполнять ведущую партию. Пока это было ему нетрудно. Перехватить инициативу он вполне успеет, а пока лучше послушать, что ему скажут! – Война еще не началась, и денег было – трать не хочу! – вдохновенно витийствовала миссис Бэрроуфилд, довольная проявляемым к ней почтением.

– Теперь все иначе, – осторожно вступил наконец мистер Фолкерк и покачал головой. – Да вы, думаю, и сами об этом знаете.

– Еще б мне не знать! – хмыкнула миссис Бэрроуфилд и сделала еще глоток из стакана. – Я только и делаю, что экономлю – на всем! Абсолютно на всем! Пытаюсь выгадать хоть пару крох, хоть самую малость! Суммы, выделяемые на приют, остались прежними, а цены? Цены вымахали вдвое!

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, – немного смущенно пробормотал мистер Фолкерк, словно бы в этом была какая-то часть и его личной вины, будто он чего-то недосмотрел и теперь должен понести заслуженное наказание.

– Когда я пришла сюда в помощь бывшей настоятельнице, мне было пятнадцать, а за плечами – три года работы в другом приюте! – пустилась в личные воспоминания миссис Бэрроуфилд. – Я-то думала, что это лишь очередное повышение.

У нее вырвался хрипловатый смешок.

– Уверяю вас, мистер Фолкерк, я не собиралась оставаться здесь надолго, но вот же – прошло столько лет, и я теперь – настоятельница! Каково? А ведь помощи мне ждать совсем неоткуда...

– Мне и в голову не могло прийти, что все обстоит так плачевно и безнадежно, – негромко и с легким смущением отвечал мистер Фолкерк. – Но почему попечители приюта не написали обо всем его светлости? Это могло бы помочь... Да-да, наверняка могло бы помочь! Во всяком случае, они были бы извещены, и как знать... – Он готов был по законам риторики развивать эту мысль, но был неожиданно и довольно-таки развязно прерван.

– Они-то?! – презрительно фыркнула миссис Бэрроуфилд, не дожидаясь, пока посланец герцога договорит свою мысль. По ее разумению, никуда от нелюбезной правды не спрячешься, ни за какие резоны. – Кто-то давно помер, а другим до нас нет никакого дела...

Перехватив удивленный взгляд мистера Фолкерка – не то от того, что его внезапно прервали, не то от неожиданности услышанного, – она поспешила объяснить:

– Полковник Мак-Наб умер три года назад, – и она тихонько хлопнула ладонью по краю стола, словно сдвинула костяшку на счетах, – мистер Камерон вечно болен, да и возраст у него такой, знаете ли – к восьмидесяти. – Еще хлопок, еще костяшка передвинулась в направлении реки Стикс... – Лорд Херчингтон? Этот безвылазно живет у себя в поместье, и о нем с момента смерти герцогини ни слуху, ни духу... – Последний хлопок, венчающий скорбный перечень, прозвучал, как звук молотка по крышке гроба.

– Могу лишь пообещать, – пробормотал мистер Фолкерк, впечатленный предъявленной ему картиной, – что сразу, как только вернусь в Шотландию, я расскажу его светлости о вашем бедственном положении.

– Была бы вам очень признательна, – отозвалась миссис Бэрроуфилд совсем другим – весьма довольным – тоном и еще раз переплела пальцы и снова их расцепила. – Знаете, сколько у меня сейчас на попечении детишек? – В ее взгляде засквозили тоска и усталость.

Мистер Фолкерк отрицательно покачал головой.

– Тридцать девять! – почти торжественно возвестила миссис Бэрроуфилд. – Тридцать девять! – повторила она для усиления впечатления. – А присматривать за ними приходится кому? – Она чуть сбавила напор и закончила фразу с горечью в голосе, почти с отчаянием: – Мне одной! – Картина получила финальный мазок кистью, приобретя полноту и законченность. Полюбуйтесь, не проходите мимо, расшевелите свои добродетели, раскройте свои кошельки! И поскорее!..

Мистер Фолкерк приподнял одну бровь в знак крайнего изумления.

– Ей-богу, это не порядок! Так не должно быть! – проникновенно продолжила миссис Бэрроуфилд, с удовлетворением уловив уважительный посыл посетителя. – У меня уже не те годы, чтобы за всем успевать самой...

Она обиженно повела плечом, разом допила свой портвейн и снова потянулась к бутылке.

При взгляде на ее раскрасневшееся лицо, обозначившиеся мешки под глазами да парочку лишних подбородков, появившихся с момента их последней встречи, мистер Фолкерк смекнул, что она регулярно утешает себя спиртным. И неважно, был ли это дешевый портвейн, которым сам он не собирался портить себе желудок, или джин, справедливо именуемый в народе «материнской погибелью».

Впрочем, ничто из этих мыслей не отразилось на его благородном лице. В конце концов, он прибыл сюда не ради душещипательных разговоров и цветистых воспоминаний, что бы там ни было. Он напустил на себя вид самый что ни на есть невозмутимый и стал ждать, когда появится удобная брешь в рассуждениях настоятельницы приюта, чтобы он мог перейти к делу.

Мистер Фолкерк был высок, хорошо сложен. В молодости он слыл невероятным красавцем, но и по сей день выглядел весьма импозантно – во многом благодаря густым, поседевшим на висках волосам и поджарой фигуре, лишенной сколько-нибудь явного намека на полноту. Двигался он легко и изящно. Во всем его облике читалось достоинство. Вдобавок он пользовался всеобщим уважением как управляющий герцога Аркрейгского.

– Я непременно расскажу о ваших проблемах его светлости, – проговорил мистер Фолкерк, а миссис Бэрроуфилд в этот момент поднесла опять полный стакан к губам. – Пока же мне важно знать...

Но миссис Бэрроуфилд не сдавала позиций, и остановить ее было не так-то просто.

– Прошу вас, прошу настоятельно, скажите его светлости, что мы теряем репутацию заведения, поставляющего крепких и здоровых подмастерьев! – Она провела языком по верхней губе, слизывая с нее бурую полоску портвейна. – Вот лишь на прошлой неделе пожаловал ко мне хозяин портновских мастерских! И заявил, вы только послушайте, буквально следующее: «Мне нужны два ваших лучших паренька, миссис Бэрроуфилд, а не то отребье, которое вы всучили мне год назад». А что случилось с парнишками, которых я отправила вам, поинтересовалась я. «Понятия не имею, – заявил он, – разве это работники – вечно хныкали да болели. Я выставил их за дверь безо всяких рекомендаций!»

Лицо мистера Фолкерка потемнело.

– Нельзя допускать подобных вещей, когда речь идет о приюте, который уже тридцать лет находится под опекой семейства его светлости! – с возмущением отвечал он.

– Так и я о том же! – усмехнувшись, победоносно воскликнула миссис Бэрроуфилд. – Это удар по репутации его светлости! А мы, хоть и живем далеко от вас, питаем глубочайшее почтение к шотландской знати.

– Весьма признателен, миссис Бэрроуфилд, – породистая голова шотландца снова совершила кивок, исполненный почтительного уважения к последнему заявлению, пусть оно и могло быть в данном случае бесхитростным демагогическим приемом.

– Вот почему я очень надеялась, – продолжила миссис Бэрроуфилд, и голос ее задрожал, – что вам удастся уговорить новую герцогиню заглянуть на денек сюда, к нам...

– Но герцогиня... Ее уже нет в живых! – был ей ответ.

– Как... нет в живых? – Миссис Бэрроуфилд, снова поднеся было к губам стакан, поперхнулась, обескураженная. Рот ее так и остался открытым, что сделало ее похожей на удивленного тетерева.

– Просто нет, – спокойно повторил мистер Фолкерк, и его благородная голова наклонным движением подтвердила то, что он сообщил. – Ее светлость скончалась во Франции несколько недель тому назад.

– Ну надо же! Я и подумать не могла о таком... Как же такое могло случиться?.. Во Франции, вы сказали?.. – Миссис Бэрроуфилд громко сглотнула. – Странное дело – во Франции... Бедняжка совсем недавно ходила в невестах... Вроде и года не успело пройти, как они с его светлостью поженились...

– Десять месяцев, если уж на то пошло, – уточнил мистер Фолкерк. В этом случае он не ошибся.

– И вот теперь она предстала перед своим Творцом! Ах, бедняжка. Ну что за судьба... А ведь я и глазком не успела взглянуть на нее... – горестно сетовала ошеломленная настоящая невеста.

Последовала пауза, и мистер Фолкерк, как бы боясь, что на него обрушится шквал вопросов, поспешил предупредить его, повернув разговор к цели своего визита:

– Его светлость герцог Аркрейгский уехал сейчас на север, распорядившись перед тем привезти ему одного из ваших воспитанников.

– Одного из воспитанников? – эхом повторила миссис Бэрроуфилд, еще не осмыслив услышанного. – Воспитанников... Воспитанников... Ах, да, воспитанников! Должно быть, его светлости требуется паренек для работы по дому или на кухне... Дайте-ка я раскину мозгами...

– Нет-нет, – поспешно прервал ее мистер Фолкерк. – Его светлость приказал привезти одну из ваших девушек. Главное, чтобы ей было больше шестнадцати.

– Больше шестнадцати? Да вы шутите?! – воскликнула миссис Бэрроуфилд, и лицо ее пошло пятнами. – Вам не хуже меня известно, что мы выставаем их из приюта, как только им исполнится двенадцать – а если подвернется возможность, то и пораньше.

Она замолчала. Он тоже молчал. Поручение, данное ему герцогом, было для него непременным, и он не хотел случайным неверным словом досадить миссис Бэрроуфилд.

– Может, и не стоило бы об этом, – вдруг тепло заговорила подвыпившая настоящая невеста, – но наших девочек всегда хвалят за их хорошие манеры. По крайней мере, они привыкли уважительно говорить со старшими и с теми, кто выше их по положению. А этого-то и не хватает, как правило, современной молодежи! – На последней фразе она патетически возвысила голос.

– Тоже верно, – не мог не согласиться с ней мистер Фолкерк. – Однако его светлость отдал мне вполне конкретное распоряжение... – Ему ничего не оставалось, как гнуть свою линию.

– Со слов герцогини Харриет мне всегда было ясно, – не слушая его, продолжила миссис Бэрроуфилд, – что прислуги у вас в Шотландии и так предостаточно. Ее светлость только однажды брала у меня двух девиц – для лондонского дома, когда он еще был открыт. Думается, она была весьма довольна обеими. Такие, знаете ли, обходительные молодые девицы, много чего умели по дому...

При воспоминании об этом по губам ее скользнула улыбка самодовольства.

– Одна из них заходила сюда несколько лет спустя повидать меня. К тому времени она уже была замужем за лакеем. Симпатичная штучка, скажу я вам. Я всегда знала: быть ей замужем, если только найдется мужчина, которому будет плевать на ее происхождение!

– Так вы уверены, что здесь нет никого, кто соответствовал бы моим требованиям? – упрямо вернул ее к своей теме мистер Фолкерк.

– Ясное дело, – уверенно ответила миссис Бэрроуфилд. – У нас тут сейчас в основном малыши. Даже не знаю, как бы я справилась с этой оравой, если бы не Тара...

– Тара? – живо переспросил мистер Фолкерк, словно почуяв дичь. – Должно быть, та девушка, что впустила меня сюда?

– Да, это она. Тара присматривает за самыми маленькими. Да только балует она их, вот что я вам скажу! Я пытаюсь учить ее уму-разуму, но бесполезно. То одного норовит приласкать, то другого... Да мне и не жалко, пускай себе приласкает, но ведь уйдут детки от нас, каково им придется? Привыкнут к мягкому обращению, а им в слуги потом идти... Держать-то их будут в строгости и в черном теле... Да... Я уж и так объясняю Таре, и сям... Все как об стенку горох...

У миссис Бэрроуфилд вновь вырвался хриловатый смешок – на этот раз горестный и печальный. Эта женщина не лишена мудрости, невольно подумал о ней мистер Фолкерк с неожиданной секундной симпатией.

– В прежнее время все было иначе. Настоятельница ничто так не ценила, как розги. Порола всех – и правых, и виноватых. Вот и я думаю иной раз, что ее методы были куда лучше моих. Уж слишком добра я – в этом-то вся проблема.

– Я уверен, что ваша доброта по отношению к бедным сироткам говорит только в вашу пользу, – искренне отвечал мистер Фолкерк. – Но мы говорили о Таре. Так зовут эту своевольную вашу помощницу?

– Ах, да, так... Но я как раз хотела сказать... – Миссис Бэрроуфилд внезапно замолкла. На ее лице отразилась работа мысли, приведшая ее к трагическому озарению. – Вы же... вы же... не намерены... Вы ведь не собираетесь...

Она со стуком опустила на стол пустой стакан, все вдруг поняв – и зачем прибыл сюда этот посеребренный с висков красавец, и что у него на уме, и с чем придется остаться ей, горемычной: мало того, что никаких денег ей ждать не приходится, так еще вдобавок к тому обязанностей и забот у нее с этого дня прибавится, и конца этому, ох, не видать...

– Ну, нет, мистер Фолкерк, нет-нет-нет, я этого не допущу! – Она возмущенно повернулась в кресле, и оно под ней угрожающе скрипнуло, словно бы намекая, что и все это приютское заведение вот-вот рухнет и погребет под своими обломками без малого четыре десятка безвинных жизней. – Тару вы у меня не заберете! Это единственный человек, на кого я могу положиться. Не считать же помощницами тех двух старушенций, от которых больше беспокойства, чем пользы. И даже для них я с трудом наскребаю денег! Можете забрать любого из наших воспитанников – да хоть целую кучу! – но только не Тару. – Грудь ее ходуном ходила, дыхание вырывалось из горла с хрипом и каким-то шипением, будто она сейчас возьмет и взорвется.

– Сколько ей лет? Таре... – вкрадчиво поинтересовался мистер Фолкерк, стараясь, чтобы вопрос его не прозвучал алчно.

– Дайте-ка вспомнить... Ей, должно быть, около восемнадцати. Да, так. Почти восемнадцать. Она попала сюда в восемьсот четвертом, через год после того, как наши вступили в войну с этим дьяволом... с Наполеоном. Я потому так хорошо это запомнила, что зима в тот год была до жути холодной, и продукты сразу выросли в цене. Да что там, уголь подскочил вдвое!

– Выходит, Таре почти восемнадцать, – задумчиво констатировал мистер Фолкерк, оставляя без внимания хозяйственные наблюдения настоятельницы, одобренные историческими подробностями. – Боюсь, если у вас нет больше никого на примете, мне придется выполнить распоряжение его светлости... и все-таки... забрать у вас Тару... Поверьте, это не моя прихоть, я лицо, можно сказать, подневольное... – Ему хотелось продвинуться как можно дальше в том невеселом деле, ради которого он приехал сюда, и он торопился, пока миссис Бэрроуфилд снова не отвлеклась.

– Только через мой труп! – вскинулась миссис Бэрроуфилд, и дыхание ее опять стало шипящим. – Я не допущу этого, мистер Фолкерк, сколько бы вы свою роль ни умалили тут передо мной... Только этого не хватало!

Она побагровела так, что шотландец даже испугался, не хватит ли ее сейчас удар. Что он будет с ней делать? Пойдут слухи... И так они уже закрутились вокруг семьи герцога! Эта смерть герцогини во Франции...

– Остаться одной со всей этой оравой! Да вы знаете, каково это? Не каждый из них может себя обслужить, вы об этом сами-то не догадываетесь? В общем – так: уйдет Тара, уйду и я. Можете зарубить это себе на носу!

И, как подкошенная, рухнув в кресло – во время своей тирады миссис Бэрроуфилд вскочила на ноги, невероятным усилием легко приподняв свое дородное тело, – она принялась обмахиваться листком бумаги, лежавшим до этого на столе возле подноса с винной бутылкой.

– Я не хотел вас расстраивать, миссис Бэрроуфилд, – сочувственно вздохнул мистер Фолкерк; дело надо решить полюбовно, не обострять отношений, это он понимал и потому делал

все возможное, чтобы они пришли к обоюдному соглашению, – но вы не хуже меня знаете, что я должен подчиняться распоряжениям его светлости.

– Это несправедливо! – Подбородок миссис Бэрроуфилд задрожал от протеста. – Просто несправедливо... Я кручусь тут, как могу, и никому нет до меня дела. У его светлости и так достаточно прислуги, чтобы еще забирать у меня единственную девушку, от которой есть хоть какой-то толк. А ведь речь идет о приюте, который основала его покойная бабушка!

Голос ее дрогнул от подступивших слез, и мистер Фолкерк поспешил снова налить ей стакан портвейна. Она с благодарностью приняла его и наполовину осушила одним глотком.

– Могу лишь обещать вам, – вкрадчиво сказал мистер Фолкерк, – что оставлю достаточно денег для найма подходящей прислуги. А как только вернусь в Шотландию, сделаю все, чтобы убедить его светлость увеличить пожертвования на приют. – Вот они, веские аргументы!

Было очевидно, что его слова до некоторой степени умиротворили миссис Бэрроуфилд, однако взгляд ее беспорядочно блуждал, ни на чем не останавливаясь.

– Почему бы вам не рассказать мне все, что вы знаете об этой девушке? О Таре... – миролюбиво предложил мистер Фолкерк. – У нее есть фамилия?

– Фамилия? – с насмешкой переспросила миссис Бэрроуфилд. – Неужто вы забыли, что это «Приют безымянных»? Разумеется, у нее нет никакого другого имени, кроме того, которое она получила здесь – как и у остальных подкидышей, которых мне навешивают день за днем, неделю за неделей...

Она возмущенно фыркнула, прежде чем продолжить:

– У меня для вас еще один незаконнорожденный щенок, заявил мне доктор Харланд буквально на прошлой неделе. Можете оставить его себе, ответила я, нам уже не втиснуть сюда даже мышь, не то что ребенка. Да ладно вам, миссис Бэрроуфилд, возразил он, вы же добрая женщина и не захотите, чтобы это существо закончило свои дни где-нибудь на дне Темзы. Мне безразлично, где он закончит свои дни, заявила я, но сюда я его не приму, даже и не надеюсь...

– И что, он забрал его? – осторожно спросил мистер Фолкерк.

– Да если бы! – устало отмахнулась от него миссис Бэрроуфилд. Она несколько успокоилась и уже не шипела, как раскалившийся на огне чайник. – Я-то думала, мне удалось убедить доктора, что у нас нет больше места, но Тара заявила, что малыша можно положить в кроватку к другому ребенку, и теперь двое спят вместе. Вот так!

Мистер Фолкерк молчал. Что он мог сказать ей в ответ?

– Да ты спятила, так я и заявила ей потом... Взвалить на себя новую работу!

– То есть Тара не возражала? – тихим голосом уточнил мистер Фолкерк.

– Это я должна возражать! – вспыхнула миссис Бэрроуфилд. – Это я получила еще один голодный рот! И ни пенни, чтобы купить еду! «Никогда не встречала таких прожорливых созданий», – всегда говорю я тем, кто постарше, но они только хнычут и просят есть.

Из внутреннего кармана дорожного костюма мистер Фолкерк вытащил внушительного вида бумажник. Вынув оттуда несколько банкнот, он положил их на стол перед миссис Бэрроуфилд в качестве успокоительного средства на первых порах.

– Тут двадцать фунтов, – как можно более мягко сопроводил он свои действия. – Это чтобы продержаться до тех пор, пока я вернусь в Шотландию и распоряжусь насчет вашего приюта.

В глазах миссис Бэрроуфилд загорелся хищный огонек. И мистер Фолкерк невольно задал себе вопрос: интересно, какая часть этих денег будет потрачена на еду для сирот, а сколько уйдет на покупку портвейна, чтобы хозяйка успокоила себя в тревоге за малышей? Но сейчас ему не оставалось ничего другого. Эта грузная женщина и правда находит – единственную, пожалуй, – радость в том, чтобы смешать кровь, бегущую по ее жилам, с вином...

– Прежде чем послать за Тарой, расскажите мне все, что вы о ней знаете, – невозмутимо попросил он, ничем не выражая невеселых своих размышлений.

– Вы действительно хотите забрать ее у меня?

– Сожалею, миссис Бэрроуфилд... Но мне не остается ничего другого... Разве что у вас есть еще одна девушка подходящего возраста.

Миссис Бэрроуфилд бросила на него мрачный взгляд:

– Что именно вы хотели бы знать о Таре?

– День ее появления в приюте... Когда это случилось? Расскажите мне все, что вы помните... Полагаю, вы делаете записи?

Взгляд миссис Бэрроуфилд метнулся в сторону, из чего стало ясно, что записи, если они и были, хранились только до определенного времени, а потому нечего было и надеяться узнать оттуда что-нибудь новое.

Поспешно, как бы желая отвлечь его внимание от этой темы, миссис Бэрроуфилд проинесла:

– Видите ли... Тара не совсем такая, как прочие дети...

Мистер Фолкерк в удивлении приподнял брови.

– Она родилась здесь, в нашем приюте, – ответила на его безмолвный вопрос миссис Бэрроуфилд.

– Как это произошло? – Мистер Фолкерк чуть подался вперед, заинтересованно приготовившись слушать. Это был совсем другой мир, люди жили в нем совершенно иначе, чем аристократы среди себе равных, подумал он.

– Дело было летом, в начале июля, если не ошибаюсь. Я сидела в этом самом кресле, когда услышала шум, способный разбудить мертвого. Вскочив на ноги... – она улыбнулась почти кокетливо, – в те времена я была помоложе и двигалась пошустрее, – к миссис Бэрроуфилд вернулась способность шутить, довольно отметил про себя мистер Фолкерк, – я бросилась к двери, чтобы посмотреть, из-за чего переполох.

Миссис Бэрроуфилд решительным жестом опрокинула в себя остатки портвейна в стакане, после чего продолжила:

– На улице уже собралась толпа, и два человека держали женщину, которая была без движения... – Она замолчала, не то вспоминая события и их подробности, не то впадая в мимолетный пьяненький транс.

– Что же произошло? – спросил мистер Фолкерк, не желая терять ни секунды в беседе с этой пылкой, темпераментной дамой. С нею ему было даже интересно, но дело есть дело, ему следовало его закончить и в назначенный срок вернуться в поместье.

– Несчастный случай, – очнулась миссис Бэрроуфилд. – Экипаж сбил ее, когда она шла по улице. Бедняжка попала под колесо, но кучер даже не остановился, чтобы посмотреть, что с ней.

Миссис Бэрроуфилд многозначительно подняла пустой стакан, и мистер Фолкерк поспешил наполнить его портвейном – в бутылке оставалась самая малость.

– Вот вам эти кучера – наглости хоть отбавляй, и плевать им на тех, кто попадает им под колеса! – Ее явно сносило в смежные плоскости относительно магистральной темы переговоров. И явно влекло в патетическую тональность, благо был зритель и слушатель, в значительной степени сейчас зависящий от нее. Во всяком случае, ее ощущения были примерно такими, хоть она и не отдавала себе в том отчета.

– Так что там случилось с Тарой? – напомнил ей мистер Фолкерк.

– Ну что... Женщину принесли в дом, и я послала парнишку за доктором. В то время за приютом надзирал доктор Веббер... Он жил неподалеку, всего в трех улицах отсюда. Неприятный тип!.. Такой, знаете ли, самодовольный... Я его всегда с трудом переносила. – Она снова готова была взяться за проповедь и провозглашать правила, каковым, по ее мнению, сейчас

мало кто следовал, и все беды земные проистекали именно из сего прискорбного обстоятельства.

– А что же... женщина? – проявляя недюжинное терпение, в очередной раз вернул мистер Фолкерк свою собеседницу в нужное русло.

– Я думала, она мертва, – покорно промолвила миссис Бэрроуфилд как ни в чем не бывало, так же легко отвлекшись от воспоминаний о ненавистном ей докторе, как она им предалась, – но та в скором времени начала стонать и метаться, и я вдруг поняла, что у нее начались схватки...

– Так вы что, не заметили сразу, что она беременна? – в состоянии крайнего изумления спросил мистер Фолкерк.

– Должна признать, нет. С годами я стала наблюдательнее, а тогда это ускользнуло от моего внимания. Вам трудно в это поверить? Но так бывает... Вдобавок на этой худышке было свободное платье, так что живота сразу и не разглядишь... Бывают такие фигуры у женщин... Как вам сказать... – Она приготовилась сформулировать какую-то сложную для нее сейчас мысль и мучительно подыскивала слова; этот умственный труд для нее был в этот момент почти физическим.

– И что потом?.. – История отчасти даже детективная, мысленно отметил мистер Фолкерк, но не дал рассуждениям собеседницы сползти в наблюдения над женским телом.

– Что потом? Прошло несколько часов, прежде чем доктор добрался до нас... То ли его не могли найти, то ли он сам не пожелал идти к нам... Не припомню, в чем там была загвоздка. Но я сделала все, что могла, и ребенок едва не появился на свет, прежде чем доктор ступил за этот порог.

Сказано это было с нескрываемой язвительностью.

– Надо сказать, отнесся он ко всему без особенного внимания. Вы же знаете докторов – не пошевелиятся, если им не посулят за это большой куш. Ну, ребенка он все-таки достал.

Миссис Бэрроуфилд задумчиво потягивала портвейн с самого дна стакана – видно было, с головой погрузившись в прошлое.

– Раньше я ни разу не присутствовала при родах и тут пришла в настоящее замешательство. Замуж я так и не вышла, и своих детей у меня нет...

Мистер Фолкерк вежливо промолчал в ответ. Он припомнил, что к настоятельнице приюта всегда обращались из любезности «мистресс», соответствовало это ее положению или нет.

– Как бы то ни было, – продолжила миссис Бэрроуфилд, – доктор вручил мне ребенка, заявив следующее: «Этот будет жить, если вы о нем позаботитесь, а вот мать умерла».

– Он что же, не смог спасти ее?.. – напрягся мистер Фолкерк.

– Да он, по-моему, и не пытался, – хмыкнула миссис Бэрроуфилд, шумно повозившись в кресле. – Я и разглядеть-то бедняжку толком не успела, как за телом уже пришли. Помню только, что была она совсем молоденькой и не такой, как следовало бы ожидать...

– Это какой такой «не такой»? Что вы имеете в виду? – еще более насторожился мистер Фолкерк.

– Знаете... Если бы не тот факт, что никому, собственно, не было до нее дела, я бы точно решила, что это леди... Судя по облику, она явно была не из простых! Хорошенькая такая... с нежной кожей... рыжеволосая... Руки ухоженные, а не как у работниц... Аккуратные ногти... Да и платье ее стоило денег немалых, уж можете мне поверить...

– У вас сохранилось что-нибудь из ее вещей? – Интерес мистера Фолкерка к рассказу настоятельницы приюта с каждым ее словом все разгорался.

Миссис Бэрроуфилд сокрушенно покачала головой.

– Разве можно тут хоть что-нибудь сохранить? Зимой, в холода, детишки тащат все, что под руку попадется! А нижние юбки – если только они у нее были, в то время это, знаете ли,

уже считалось немодным – наверняка разорвали на повязки. У этих чертенят вечно то ушиб, то синяк, то царапина или рана похуже...

– А больше не было ничего, что указывало бы на происхождение той бедной женщины?

– Насколько я знаю, доктор пытался выяснить, кто она такая, – приглушенным голосом, словно он шел из прошлого, отвечала миссис Бэрроуфилд. – Надеялся на вознаграждение, вот что я вам скажу! Он узнавал, не пропала ли по соседству какая-нибудь женщина. Но, поскольку за ребенком так никто и не явился, вряд ли ему удалось разыскать каких-нибудь ее родственников.

– А почему вы называли девочку Тарой? – быстро спросил мистер Фолкерк.

– Вот об этом-то я как раз и хотела вам рассказать! – Миссис Бэрроуфилд поудобнее устроилась в кресле. Кажется, она поставила себе целью как можно дольше смаковать удовольствие от того, что ее так внимательно слушают. Не просто внимательно, а ловят каждое ее слово. Нечасто такое случается! Очень ей не хотелось упускать такого редкого слушателя, и она каждое слово будто пробовала на вкус. – Сумочки... при женщине... не было – а может, ее просто стащили. На улице. Когда она упала. Зевак набралось тогда пруд пруди! Но что я сразу заметила... – она сделала паузу для пущего эффекта, – так это то, что на ней не было обручального кольца! Выходит, она могла намеренно прийти сюда!..

– Так почему девочка была названа Тарой? – повторил вопрос мистер Фолкерк.

– Как раз об этом я и рассказываю, – ответно промолвила миссис Бэрроуфилд. – На шее у женщины... висел медальон! Возможно, вы сочтете меня сентиментальной... но я сохранила его, хотя, конечно, разумнее было бы продать: даже пара шиллингов может стать неплохим подспорьем в трудные времена, верно?..

– Пожалуй... вне всякого сомнения... Но могу я взглянуть на медальон? – в нетерпении спросил мистер Фолкерк.

Если он и был раздосадован излишней болтливостью миссис Бэрроуфилд, подогретой спиртным, и ее манерой разветвлять рассуждения, уходя далеко в сторону, перескакивая с темы на тему, то по виду его никак нельзя было об этом сказать. Джентльмен есть джентльмен...

С невозмутимостью наблюдал он за тем, как миссис Бэрроуфилд поднялась с кресла, нетвердой походкой подошла к секретеру и потянула один из ящичков. Со своего места мистер Фолкерк смог разглядеть кучу старых счетов, какие-то мятые ленты, расчески, куски ткани и множество прочих таких же никчемных вещей.

Порывшись в ящике, миссис Бэрроуфилд достала из него небольшую шкатулку.

– Вот тут я и храню свои сокровища, – проговорила она с грубоватым смешком, проведя рукой по крышке коробочки. – У меня их, как вы понимаете, немного, и если я не буду их прятать, эти дьяволята мгновенно все порастащат себе на игрушки.

Тяжело опустившись назад в кресло, она открыла шкатулку. Внутри россыпью лежали голубые бусины, бывшие некогда ожерельем. Помимо них, взору мистера Фолкерка предстала брошь без застежки, пара дешевых браслетов – из тех, что можно купить на любой ярмарке, и высохшая веточка омелы. Должно быть, она хранилась здесь со времен юности миссис Бэрроуфилд, хотя при взгляде на эту женщину трудно было представить, что она пережила в свое время нечто похожее на роман. Но время меняет всех, события жизни и годы оставляют отпечаток на каждом, формируя и взгляды на жизнь. Если судьба благосклонна, мы говорим, что жизнь – счастливая, что она есть подарок Небес, а если судьба подвергала нас испытаниям, то мы горько сетуем, что жизнь невообразимо печальна, трудна и послана нам в наказание... Те мысли о жизни, что мы носим в себе, отражаются и на внешности: радость, носимая в сердце, сохраняет его молодым и здоровым, уныние – сгибает нам плечи и делает дряблой кожу, съедает блеск глаз. И что с этим делать, не знает никто. Лишь немногие могут сознательно прене-

брегать неудачами, не давая себе времени в них погружаться надолго, а заставляя себя побыстрей идти дальше в надежде на удачу и светлые дни.

– Да вот же он! – воскликнула миссис Бэрроуфилд.

Покопавшись в шкатулке, она извлекла на свет маленький медальон на цепочке.

– Он-то и висел на шее у той бедняжки! – И с этими словами она протянула медальон мистеру Фолкерку.

На вещице было выгравировано какое-то слово – «Тара», прочитал мистер Фолкерк. Внутри медальона, когда мистер Фолкерк открыл его, оказался завиток темно-каштановых волос.

– Чего у меня не отнимешь, так это честности! – пламенно провозгласила тем временем миссис Бэрроуфилд, пока ее гость разглядывал сохраненную ею вещицу. – Другая на моем месте давно бы продала этот незначительный медальон, но мне всегда казалось, что он еще сможет когда-нибудь сослужить свою службу... Вон как он заинтересовал вас!

– Еще бы, миссис Бэрроуфилд, – ответил мистер Фолкерк, не веря своей удаче – чего там, ему нравились запутанные романтические истории, а тут он почти стал участником таковой. – Думаю, вы поймете, если я заберу эту вещицу с собой.

– Что-то мне сомнительно, чтобы его светлости понадобилась такая глупая безделушка, – снова хмыкнула миссис Бэрроуфилд. – И зачем ему в Шотландии сама девчонка? Вы мне пока так ничего и не сказали...

– По правде говоря, я и сам не знаю, – развел руками мистер Фолкерк. Он и правда не знал, зачем герцог попросил его поехать в этот приют в Лондоне и привезти отсюда девушку в замок Аркрейг. – Могу только повторить вам, что я всего лишь повинуюсь распоряжениям его светлости, которые он отдал мне перед отъездом на север.

– Странно все это... – со вздохом протянула миссис Бэрроуфилд.

В душе мистер Фолкерк был полностью с ней согласен, однако не стал выражать этого вслух.

– Почему бы вам не послать за Тарой? – осведомился он все тем же спокойным тоном. – Для начала я должен познакомиться с ней.

– Когда вы намерены забрать ее и уехать? – вопросом на вопрос ответила миссис Бэрроуфилд.

В голосе ее по-прежнему сквозило недовольство, однако она не забыла забрать со стола банкноты, и мистер Фолкерк не сомневался, что это послужит ей изрядным утешением и скрасит утрату.

– Я отправляюсь в Шотландию сегодня же вечером, – ответил он. – Из особняка, где я остановился, я могу заехать прямо сюда, чтобы забрать Тару.

– Ей придется путешествовать в вашем экипаже?

– Другого способа добраться до поместья герцога нет. Не думаю, что у нее будет с собой много вещей, так что мы вполне уместимся в моей карете.

– Много вещей! Скажете тоже... Насчет этого точно можете не беспокоиться! – хохотнула миссис Бэрроуфилд.

– Не мог бы я повидаться с этой девушкой прямо сейчас? – спросил мистер Фолкерк, поднимаясь из кресла и внутренне радуясь, что все так удачно сложилось.

Однако миссис Бэрроуфилд не спешила последовать его примеру и встать.

– Что-то я чувствую себя не очень хорошо после всех этих новостей и воспоминаний, – заявила она. – Так что лучше я тут еще посижу, приду в себя... Да вам достаточно подойти к двери и выкрикнуть ее имя! Она вас сразу услышит.

Взглянув на нее повнимательнее, мистер Фолкерк понял, что собеседница его успела опьянеть не на шутку. Одна выдула бутылку портвейна! Сильный, однако, у нее организм, невольно подумалось мистеру Фолкерку. Можно и позавидовать. Про себя он не мог бы сказать,

что справится с такой дозой спиртного. Его возможности по части алкоголя гораздо скромнее...

Он молча пересек комнату и, распахнув дверь, оказался в темном, сумрачном коридоре.

Из мебели тут стоял лишь весьма элегантный, однако облезлый теперь уже стол, на котором он оставил шляпу, да стул, на который он бросил плащ, когда прибыл в приют. Стул был тоже хорошей формы и знал лучшие времена, сейчас же нуждался в починке. С обеих сторон коридора до него доносился шум детских голосов, а откуда-то сверху раздавался тоненький плач. Внутренний голос подсказал ему, что Тару он найдет именно там, наверху, с плачущими малышами.

Мистер Фолкерк стал медленно подниматься по лестнице, придерживаясь за перила, которые тоже нуждались в том, чтобы с ними поработал хороший мебельщик или хотя бы добросовестный плотник, и благополучно оказался на втором этаже.

Приют был построен по распоряжению герцогини Харриет. В ту пору все восхищались этим сооружением как удобным и современным, с приличной и даже по-настоящему хорошей мебелью и иной обстановкой, отдавая должное щедрости герцогини, ее вкусу и ее способности сопереживать лишенным родителей и обездоленным крошкам. Но за те тридцать лет, что минули со времен постройки, здание не только устарело, но во многом пришло в негодность, граничащую с откровенной разрухой.

В окнах не стали менять разбитые стекла, а попросту заколотили их досками, о портьерах и думать забыли. Пол тоже успел тут и там прогнить, так что ходить по нему следовало с большой осторожностью. Двери, в которых давно не было задвижек, каким-то чудом держались на петлях.

Ни одна из этих прискорбных деталей не ускользнула от взгляда мистера Фолкерка. Распахнув дверь, из-за которой доносился детский плач, он оказался в большой спальне. Тут пахло сыростью, невымытым телом и чем-то таким, о чем мистер Фолкерк не хотел даже думать.

Вдоль стен тянулись многочисленные кровати. Лежавшие и сидевшие в них малыши либо плакали, оттого что никто не обращал на них никакого внимания, либо возились друг с дружкой, пронзительно вереща. И все они, на взгляд мистера Фолкерка, одеты были слишком легко.

В дальнем конце комнаты сидела с малышом на руках та самая девушка, что впустила его в приют. На ней было простенькое серое платье с белым воротничком и плотно прилегающая к голове шапочка. Такую форму одежды выбрала некогда для сирот герцогиня Харриет. Одежда выглядела на редкость непритязательно, подчеркивая тот факт, что ее обладатель – объект милосердия.

Пробираясь между кроватями, мистер Фолкерк отметил, что все детишки – без разбора, мальчики это или же девочки, – коротко острижены: это было еще одним требованием для сирот, взятых из милости в «Приют безымянных».

Как только он добрался до Тары, та поднялась со стула и вежливо присела, продолжая прижимать к себе малютку. Только тут у него появилась возможность как следует рассмотреть ее.

Девушка была очень худенькой, чуть ли не прозрачной, что явно указывало на плохое питание. Когда она подняла к нему кроткое личико, косточки скул и подбородка обозначились еще больше. На изможденном лице выделялись глаза – огромные, синие, оттененные густыми ресницами, золотистыми у корней и почти черными у концов. Такие глаза могли бы быть необычайно привлекательными, подумал мистер Фолкерк, если бы не болезненная худоба этой добросердечной нянюшки. Из-за обострившихся скул и впалых щек бедняжка напоминала голодного птенца.

– Нам нужно поговорить, Тара, – дружелюбно проговорил он, подойдя к девушке.

Глаза той стали удивленно-испуганными. Но она обратилась к детишкам, и голос ее прозвучал до странности мягко и музыкально:

– Ну-ка, детки, потише! У нас гость, и он хочет поговорить со мной. Если вы посидите тихонько в своих кроватках, я расскажу вам потом интересную сказку.

Должно быть, сказка была для детей вроде лакомства, поскольку шум и гвалт немедленно прекратились. Ребятишки затихли, рассевшись по кроваткам и матрасам, и уставились на гостя во все глаза. Было ясно, что они только и ждали, когда же начнется сказка, а гость уйдет восвояси. А возможно, новый человек был им интересен. Немногое они видели, живя здесь. Во всяком случае, ему трудно было вообразить, как можно вывести всю эту ораву гулять – вряд ли у них была соответствующая одежда и вряд ли они могли сами управиться с одеванием, а взрослых рук не хватало.

Малыш на руках у Тары начал недовольно похныкивать. Видимо, он засыпал, а приход посетителя растревожил его. Легонько покачав дитя из стороны в сторону, поворачиваясь всем корпусом, Тара сунула ему в рот пальчик, чтобы ребенок молчал.

И только после этого она взглянула на того, кто к ней подошел и сделал такое странное заявление.

– Вы хотели мне что-то сказать, сэр?

– Я собираюсь забрать тебя из приюта, Тара, – без всякого предисловия сообщил мистер Фолкерк о том, что он собирается сделать.

Глаза Тары расширились, и выражение их ничем не отличалось сейчас от выражения глаз ее замурзанных подопечных. Но в глазах Тары мистер Фолкерк прочитал и откровенный страх, если не ужас. Она смотрела на него с тоской и молчала. Потом заговорила. Голос и губы ее дрожали, но она очень старалась сдержаться и не расплакаться в голос.

– Что вы, сэр!.. – Она сделала глубокий вздох, словно чувства вот-вот покинут ее, и она старалась придать себе сил, чтобы этого не случилось. – Я не могу оставить детишек... А вы... – на секунду она замялась, будто взвешивала, уместно ли будет ей задать вопрос такому блистательному господину. И решилась. Это было заметно по тому, как дрогнули ее ресницы, а во взгляде мелькнула надежда, что ее кто-нибудь защитит. – Вы уже... вы... вы говорили с миссис Бэрроуфилд?

– Говорил. – Еще один взмах ресниц. И взгляд синих глаз, неподвижно остановившихся на его лице.

– И она... согласилась? – с недоверием прошептала Тара.

– Видишь ли, у нее не было выбора, – как можно более мягко проговорил мистер Фолкерк. Ему было жалко тщедушное это создание, которому он принес недобрые вести. Хотя вся ее жизнь тут – можно ли говорить о какой-то доброй ее стороне? – Дело в том, что герцог Аркрейгский мне приказал, чтобы я доставил тебя в Шотландию, в его замок.

– В... Шотландию? – Тара крепче прижала к себе малыша, будто он оставался последней ее надеждой на то, что она избежит отъезда. В ее голосе, когда она заговорила, звучало неподдельное изумление: – Я думала... что это вы хотите... что вы собираетесь... взять меня на работу...

– Нет, это не я хочу взять тебя на работу. Более того, я не знаю, чем именно тебе предстоит заниматься, – признался ей мистер Фолкерк. – Знаю только, что по распоряжению герцога тебе предстоит покинуть сегодня Лондон и отправиться вместе со мной.

Тара беспомощно окинула взглядом спальню, как бы надеясь, что ей удастся забрать с собой и детишек.

– Я оставил миссис Бэрроуфилд достаточно денег, чтобы она могла нанять кого-нибудь вместо тебя, – поспешил успокоить ее мистер Фолкерк, справедливо решив, что она сразу же подумала о малышах, которые останутся без ее неусыпной заботы.

Он вслед за ней бросил взгляд на присмиривших детей. Не надо было и сомневаться: это будет почти невозможно – найти Таре замену. Сама-то миссис Бэрроуфилд, как было понятно, не утомляла себя заботой о самых маленьких. Да и о тех, кто постарше. Ограничивалась поучениями и замечаниями, и хорошо, если не пускала в ход руки. Мистер Фолкерк, будучи холостяком, мало общался с детьми. Но и ему было ясно: если кто здесь и одаривал малышей любовью, сердечностью и вниманием, то только Тара.

Словно прочитав его мысли, она спросила:

– Разве... я могу оставить их, сэр? – Голос ее дрожал, и она ухватила за спасительную соломинку: – Наверняка здесь есть кто-то, кого бы вы могли взять вместо меня.

– Вот-вот... Миссис Бэрроуфилд заявила поначалу мне то же самое, – усмехнувшись, ответил ей мистер Фолкерк, – однако она так и не нашла для тебя подходящей замены!

Тара судорожно вздохнула.

– Зачем... зачем же именно я нужна его светлости?

Мистер Фолкерк не ответил, и она быстро заговорила, словно боясь, что ее остановят:

– А Белгрейв? У нас тут Белгрейв есть! Ее нашли на этой площади и потому так и назвали. В следующем году ей исполнится одиннадцать. Очень рослая для своего возраста девочка! Она вам не подойдет?

– Боюсь, что нет. – Как жаль ему было огорчать Тару!

– Вы уверены, сэр? – Та не сдавалась. Упорная! – Я научила ее мыть полы. Шьет она пока не очень-то хорошо, но скоро наверняка научится.

– Боюсь, она слишком юна. – Мистер Фолкерк старался говорить серьезно и убедительно, словно их разговор шел на равных.

– Приди вы месяцем раньше, то застали бы тут Мэй. Вот она бы вам точно подошла! Ей двенадцать, но ростом она почти с меня. Мэй – хорошая работница и не привыкла унывать. Никогда не слышала, чтобы она ныла или жаловалась.

– Но Мэй здесь больше нет. К тому же она тоже не подходит по возрасту. – Сказав так, мистер Фолкерк понял, что выбил оставшуюся почву из-под ног Тары. И ему захотелось ее как-то утешить. – Не переживай, Тара, – улыбнулся он ей. – Путешествие в Шотландию наверняка будет для тебя интересным. Тебе понравится, вот увидишь!..

Но Тара теперь смотрела на него с настоящим отчаянием.

– Когда мне придется... уехать, сэр?

– Сегодня после обеда, – вздохнул мистер Фолкерк, несколько огорченный, что развеселить Тару ему не удалось. Ну что тут поделаешь... Он выполняет чужую волю, значит, и она тоже должна подчиниться ей, как и он. – Я заеду за тобой в третьем часу.

– Ох, сэр...!

В этом восклицании было столько чувств сразу, что оно оказалось трогательней любых слов. И тихо, так тихо, что он едва мог расслышать, Тара спросила:

– Я ведь не могу отказаться... нет?

– Нет, Тара, не можешь, – твердо и глядя ей прямо в глаза, сказал мистер Фолкерк. И объяснил: – Этот приют принадлежит его светлости герцогу Аркрейгскому. Если он решит затребовать кого-то из проживающих здесь сирот, никто не вправе ему отказать, даже миссис Бэрроуфилд.

У Тары вырвался вздох, исходивший, казалось, из самых глубин ее слабенького существа. Но слабенького лишь физически – в ней чувствовалась большая душевная сила и стойкость.

– Я буду готова, сэр, – негромко вымолвила она.

Мистер Фолкерк не мог не восхититься тем мужеством и чувством собственного достоинства, которые не позволили ей и дальше настаивать на своем. Повернувшись, он направился в сторону коридора. Уже прикрывая за собой дверь, он услышал сзади многоголосый и радостный детский крик:

– А теперь сказку! Сказку! Ты обещала нам сказку!

Мистер Фолкерк осторожно зашагал вниз по лестнице, не без оснований опасаясь, что пришедшие в негодность ступени могут не выдержать его веса. Впрочем, ему удалось спуститься безо всяких происшествий. Подхватив шляпу и набросив на плечи плащ, он решительно направился к входной двери. У него не было ни малейшего желания продолжать беседу с миссис Бэрроуфилд. К тому же он подозревал, что та давно успела уснуть в своем кресле, переваривая выпитое, сказанное и услышанное.

Оказавшись на улице, он еще раз взглянул на приют. Вне всяких сомнений, зданию настоятельно требовался ремонт: краска на рамах давно облезла, дверь выглядела просто ужасно, дверной молоток почти почернел без необходимой ему полировки... Герцогиня Анна пришла бы в неопишемый ужас, мелькнула у него мысль. И он тут же пообещал себе, что непременно займется всем этим, как только получит разрешение на то герцога.

* * *

Прошло три четверти часа, прежде чем Тара кончила забавлять малышей. Она рассказала им не одну сказку, а целых три подряд, и все три истории они слушали, пораскрыв рты. Тара обладала несомненными художественными способностями, и дети почти наяву представляли себе все, о чем она им рассказывала. Она говорила голосами животных, гномов, фей и принцесс, голос ее был то добрым и бархатным, то резким и пронзительным, почти оглушительным, так что даже не зная сути и не поняв слов, по одной только интонации и тембру голоса можно было понять, злой персонаж, от имени которого она сейчас говорит, или добрый. И еще она пела. В каждой сказке была своя песенка, их придумывала Тара сама – и мелодию, и слова. Стихи к песенкам были не менее увлекательными, чем сами сказки, а сказки ее, при том что она оставалась верна сюжету, каждый раз отличались новыми подробностями и деталями. Импровизировала Тара легко, словно ночью где-то витала в мечтах, а наутро рассказывала детям о том, что видела и что слышала.

Закончив наконец последнюю сказку и спев последнюю песенку, она встала со стула и объявила:

– На сегодня все! Приводите кровати в порядок!

Дети нехотя зашевелились, не желая расставаться с неведомым и чудесным миром, куда они попали благодаря неумной фантазии Тары. Ей были знакомы только «Сказки матушки гусыни» Шарля Перро, но по их канве она сочиняла свои, дополняя их иногда событиями из жизни в приюте, чтобы история приобрела поучительный смысл и оттенок и стала бы чем-то наподобие воспитательного приема. Интуиция ни разу не подвела Тару – дети улавливали намеки, и она потом убеждалась, насколько ребятишки тонко чувствуют и насколько они сообразительны.

– Еще! Еще! Тара, расскажи еще! – зазвенело со всех сторон, но Тара решительно покачала головой.

– Мне нужно пойти приготовить что-нибудь на обед, – сказала она, – иначе все мы останемся голодными.

– Я уже хочу есть! – плаксиво прогундосила девчушка из дальней кровати.

– Я тоже! И я!

Теперь они кричали все вместе, и Тара поспешила вон из комнаты, чтобы ее не успели задержать цепкие маленькие ручонки.

Из комнаты на первом этаже, где играли уже подросшие дети, доносился оглушительный шум. Опять эти двое забияк подрались, подумала Тара. Двое больших мальчишек постоянно мутузили друг друга, и Тара мало что могла сказать или сделать, чтобы хоть как-то помешать им. В любом случае, сегодня у нее просто не было на это времени.

Она постучала в дверь гостиной и, не дождавшись ответа, вошла. Как и предполагал мистер Фолкерк, миссис Бэрроуфилд крепко спала в кресле. Голова ее сникла на грудь, она даже похрапывала. В комнате было жарко и душно, поскольку огонь, по настоянию миссис Бэрроуфилд, разжигали в любую, даже самую теплую погоду. Тара знала, что для нее это было своего рода символом – тем удобством, которое принадлежало лишь ей, и от которого она не желала отказываться.

Тара тихонько приоткрыла окно, стараясь не разбудить хозяйку. Но тут взгляд ее упал на пустую бутылку портвейна, и она поняла, что может двигаться и шуметь совершенно без страха потревожить миссис Бэрроуфилд. Похрапывающая и раскрасневшаяся, та выглядела в эти минуты на редкость непривлекательно. Впрочем, Таре некогда было сейчас отвлекаться. Взяв со стола бутылку, она убрала ее в шкаф, после чего занялась грязными стаканами.

И в этот момент она заметила на столе шкатулку. Чутье подсказало ей, что мужчина, собиравшийся увезти ее в Шотландию, забрал медальон ее матери. Это была единственная вещь, которую она могла считать своей. То единственное, что выделяло ее среди остальных тридцати девяти сирот, у которых не было ни дома, ни родителей и которые отличались друг от друга разве что цветом глаз и волос.

«Надеюсь, он не потеряет его», – с тревогой подумала Тара. Она убрала шкатулку в ящик, подхватила пустые стаканы и вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собою дверь.

На кухне крутилась одна из двух старух, что работали в приюте за мизерную плату. Она была совсем без зубов, да еще и ослепшей на один глаз, что не мешало ей, впрочем, именовать себя поварихой.

От супа, варившегося на огне в большом котле, исходил сомнительный запах. На вкус он, должно быть, еще хуже, невольно подумалось Таре. Но лучше уж такая еда, чем вовсе ничего. А суп, который дети ели в обед, был их единственной полноценной трапезой. Сегодня, к счастью, к нему полагался хлеб. И то его доставили в приют только потому, что миссис Бэрроуфилд, по настоянию Тары, заплатила булочнику за прошлую неделю и дала ему немного денег вперед.

Одной Таре было известно, какая часть суммы, полагавшейся на пропитание сиротам, уходила на спиртное, с помощью которого миссис Бэрроуфилд поддерживала себя в добром расположении духа.

Нельзя сказать, чтобы Тара слишком переживала из-за этого – разве что в тех случаях, когда детишкам становилось плохо без еды, или от голода они не могли спать по ночам. Тут она принималась яростно отстаивать перед миссис Бэрроуфилд их права. А поскольку та была слишком ленива, чтобы подолгу спорить, в итоге она неизбежно сдавалась и вручала помощнице часть суммы, которую намеревалась потратить на свои нужды.

Сейчас Тара порезала буханки на равные кусочки, прекрасно зная, что, если она не проследит за раздачей, мальчишки постарше отнимут у маленьких их долю. И вдобавок будут подлизываться к девочкам в расчете на то, что те поделятся с ними своей порцией. Если бы не Тара, приют давно бы оказался под властью самых сильных и задиристых из ребят.

Она никогда их не наказывала, в отличие от той же миссис Бэрроуфилд, которая периодически устраивала им порки. Тара держала их в руках исключительно благодаря силе характера. Все потому, что ей не оставалось ничего иного, кроме как преисполниться морального превосходства там, где о физическом не могло быть и речи.

Нарезая хлеб, она заметила уголком глаза, как старуха-помощница торопливо спрятала что-то у себя под полый халат. Это повторялось уже не раз. Тара решительно подошла к ней со спины и выхватила кусок мяса, который та пыталась скрыть в лохмотьях.

Мясо было из тех, что подешевле – но это все, что они могли себе позволить. Ему предстояло стать основой супа, который так называемая повариха помещивала в большом котле. Старуха в ярости вскрикнула, но Тара ее проигнорировала. Положив мясо на стол, она приня-

лась резать его на маленькие кусочки. Она кромсала и кромсала, пока мясо не превратилось в горку фарша.

– Это мое! – с негодованием воскликнула старуха.

– Неправда, Мэри, и тебе это хорошо известно. Детям нужно есть, иначе они просто умрут с голоду.

– И что с того? Кому они нужны?

Тара и сама не раз задавалась тем же вопросом.

– Не нужно жадничать, Мэри, – спокойно и почти миролюбиво сказала она. – Что хорошего, если дети умрут только потому, что ты украла их еду?

– Мне тоже нужно есть что-то вечером, – прохныкала старуха. – И мои бедные киски вечно сидят голодные...

– Они могут ловить мышей, – возразила старухе-кошатнице Тара, – чего не скажешь о детях. Им даже яблочка сорвать неоткуда, – со вздохом добавила она. – Как бы я хотела, чтобы приют наш был в деревне. Там нам жилось бы куда лучше, чем здесь, в Лондоне.

– И Лондон неплох, если у тебя есть деньги, – ворчливо заметила Мэри.

– Ну, в этом случае везде неплохо, – резонно согласилась с ней Тара.

Закончив кромсать мясо, она пересыпала его в кипящий на огне суп. Не прошло и нескольких минут, как варево запахло куда аппетитнее.

Бросив туда щепотку соли, Тара увидела несколько луковичек, оставленных на столе. Они, в свою очередь, также отправились в суп.

– Продолжай помешивать, Мэри, – сказала она, – а я пойду позову ребятишек. Ты уже помыла их чашки?

Ответа не последовало, из чего можно было заключить, что посуду Мэри не мыла и не собиралась этого делать.

Всегда одно и то же, со вздохом подумала Тара. Во всем, что касалось работы, на Мэри не было никакой надежды. Впрочем, вторая женщина, приходившая сюда мыть полы, была не лучше.

Поскольку приют в последнее время оказался переполнен, от столовой пришлось отказаться. Ее превратили в новую спальню, расставив здесь кровати и бросив на пол несколько матрасов. Так что дети вынуждены были есть, стоя в коридоре или рассевшись на ступенях лестницы. В таких условиях Таре никак не удавалось проследить за тем, чтобы всем детишкам доставалось поровну.

Стоило ей позвонить в колокольчик, как двери распахнулись, и в кухню с топотом устремились ребятишки. Наверху остались одни малыши. Таре приходилось вдвойне трудно, поскольку нужно было приглядывать еще и за бадьей с молоком, которая стояла в углу кухни. Она знала: стоит ей отвернуться, и детишки, которые по их законам в приюте считались уже взрослыми для молока, тут же запустят туда свои ложки и кружки.

В течение следующих пяти минут ей приходилось унимать настоящую бурю.

«Нет-нет, по куску хлеба на каждого! Фред, немедленно положи это, ты и так уже взял свою порцию. Осторожней, Хелен, или разольешь суп. Да не толкайтесь же, еды тут хватит на всех!»

Изо дня в день, перед каждой трапезой ей приходилось повторять одно и то же. Дети огрызались, хитрили и крали друг у друга вовсе не потому, что не желали слушаться Тары. Просто животный инстинкт самосохранения подсказывал им: нужно есть, чтобы не умереть с голоду.

Тара вылила из котла остатки супа и только тут заметила, как один из мальчишек стянул со стола последний кусок хлеба. Это значило, что самой ей уже не на что было рассчитывать. Но она и не думала протестовать. Сама виновата, подумала она про себя. Нужно съедать свой хлеб до того, как сюда сбегутся ребята.

На своем горьком опыте Тара узнала, что обходиться без еды слишком долго тоже нельзя. Она становилась такой слабой, что рисковала выронить из рук малышей, и мысль об этом приводила ее в настоящий ужас. Впрочем, оставалась еще надежда на то, что ей предложат чашечку чаю. Это была роскошь, доступная только миссис Бэрроуфилд. Но порой, когда та пребывала в хорошем настроении, она разрешала Таре допить то, что оставалось на дне ее чайника.

Для миссис Бэрроуфилд Мэри приготовила две свиные отбивные, которые аккуратно выложила на чистую тарелку, присовокупив к ним мелко нарезанный жареный лук – сразу несколько луковиц.

– И вот ее чай, – проворчала Мэри, со стуком опуская на поднос заварочный чайник.

– Спасибо, Мэри, но ты забыла картошку!

Картошка, которая плавала в супе, начала уже подгнивать, когда была куплена, но куплена была такая, поскольку дешевле были самые что ни есть отбросы. Но из этой мешанины удалось выудить три больших, еще не подпорченных кусочка. Их тоже положили рядом с отбивными, и рот у Тары невольно наполнился слюной. Она отвернулась, чтобы не видеть тарелку.

«Может быть, тот джентльмен даст мне сегодня что-нибудь поесть», – с надеждой подумала Тара. После чего, подхватив поднос и глядя прямо перед собой, поспешила в гостиную миссис Бэрроуфилд.

Глава вторая

И вот они едут – Тара и сопровождающий ее мистер Фолкерк.

Погода в тот день выдалась с утра ясная, без дождя. Он прошел ночью, омыв каждый куст, каждый стебель травы, каждый лепесток на цветочных головках. По небу весело плыли легкие, светлые, закурчавленные по краям облака. Ветер настойчиво гнал их, и вместе с ними по земле быстро и невесомо скользили их прозрачные тени. Но стайка облаков проплывала, и солнечные лучи опять беспрепятственно царили в воздушном пространстве.

Тара во все глаза смотрела на проплывающие мимо пейзажи – всхолмленная местами равнина и перелески тянулись по сторонам дороги, покуда хватал глаз; аккуратные сельские домики из серого камня-ракушечника утопали в цветах, радуя яркими красками на фоне древесной и травяной зелени. На огромных зеленых полянах лежали и бродили животные – коровы, овцы и лошади... Впечатления Тары об окружающем мире были до сей поры отрывочными и скудными, и сейчас все, что она видела, вызывало в ней едва ли не детский восторг.

– Какое все красивое, яркое, какое зеленое! – вырвалось у нее, когда они покинули улицы Лондона, и карета покатила по загородной местности. – Я знала, конечно, что в деревне должна быть зелень... Но чтобы такая яркая! Такая густая! Это просто немыслимо, и это невероятно прекрасно!

Мистер Фолкерк только собрался ответить, как Тара продолжила все тем же восхищенным, певучим голосом, и голос этот даже немного дрожал, что придавало ему необычайную мелодичность:

– А вон то поле – смотрите, смотрите, да оно просто всё сплошь золотое!

– Кукуруза, – лаконично пояснил мистер Фолкерк. – Тебе ведь уже доводилось бывать в деревне?

Тара отрицательно затрясла головой.

– Нет, сэр! Нет! Никогда... Миссис Бэрроуфилд разрешала мне иногда погулять со старшими ребятами в Гайд-парке. Но в последнее время у нас прибавилось малышей, и за ними нужно было постоянно присматривать, и там, знаете ли, глаз да глаз...

– Но дети же не могут все время сидеть под замком в помещении! – невольно возмутился было мистер Фолкерк, но оборвал себя и вздохнул. Тара здесь ни при чем. Так заведено в приюте. И надо навести там порядок!

– Дети играли на заднем дворе, – ответила ему Тара, обернув на секунду к нему лицо, и небесная прелесть ее синих глаз в темных густых ресницах, как в маленьких и пушистых тучках, опять поразила его. – Зимой там, конечно, грязно, зато они могли дышать свежим воздухом... Если бы только дети могли всё это тоже увидеть вместе со мной! – грустно воскликнула она и вновь прильнула к окну.

Мистер Фолкерк уже понял, что новый мир вокруг и радовал Тару, и заставлял ее сердце сжиматься болью: мысли ее неизменно возвращались к покинутым ею детишкам – ведь он своим внезапным приездом насильно оторвал ее от малюток!

Надо сказать, сцена расставания произвела на него неожиданно ранящее впечатление. Младшие дети отчаянно цеплялись за Тару и плакали – она была для них матерью, а другой мамы они просто не знали; старшие – кричали, вопили и протестовали разными другими способами, на какие были горазды, до тех пор, пока экипаж не скрылся из виду.

Даже миссис Бэрроуфилд расчувствовалась в самый последний момент прощания, хотя, скорее всего, переживала она главным образом за себя, поскольку лишалась такой ценной и безотказной помощницы. Хоть и были в этой женщине некие привлекательные черты, алчная и порочная сторона ее несчастной натуры их поглощала – так решил для себя мистер Фолкерк. Но как бы то ни было, Таре это расставание далось нелегко. Когда она смогла наконец

вырваться из множества цепких ручонки и устроиться на сиденье в карете, по ее щекам градом текли горячие слезы.

Несколько минут она боролась с захлестывающими ее эмоциями, после чего, подавив рыдания, забормотала:

– Как же... что же... что же дети будут без меня делать? Я думаю... я знаю, что младшим придется голодать! И кто же их пожалеет, если они подерутся?.. Я не смогу о них не тревожиться... Я так к ним привыкла...

– Вот об этом я и хотел поговорить с тобой, Тара, – ответил ей тогда мистер Фолкерк. – Нет никаких сомнений в том, что дети плохо питаются, да и само здание пришло в полную негодность, чего, конечно, не следовало допускать.

Тара смотрела на него с такой тревогой в глазах, что он поскорее перешел к сути того, что хотел сказать.

– Словом, я отдал распоряжения, которые должны тебе понравиться и снять тяжесть с твоей души.

– Что же это... за... распоряжения? – судорожно всхлипнула Тара, все еще пытаясь справиться с рыданиями.

– Экономка в особняке Аркрейгов – пожилая, умудренная опытом женщина. Она помнит еще те времена, когда строился этот приют. Вдобавок она прислуживала герцогине Анне и знает, с каким душевным теплом и участием та относилась к бедным сиротам...

– Но со смертью герцогини все изменилось к худшему, – кивнула Тара, ладонями вытирая слезы, которые все текли и текли из ее синих глаз.

– Я так и понял, – не стесняясь своей печали, вздохнул мистер Фолкерк. – Так вот, миссис Кингстон займется тем, что наймет в приют повара, который будет покупать ребятишкам нормальную еду, и будет контролировать, как обстоят там дела.

Худенькое личико Тары просияло, а синие глаза наполнились радостью.

Для мистера Фолкерка не осталось никаких, даже самых малых сомнений в том, что большую часть денег, которые еженедельно передавали на нужды приюта поверенные герцога, миссис Бэрроуфилд тратила на свою неизменную выпивку. Что ж... При всех симпатичных чертах ее неумной натуры и житейской смекалке эта страсть их все перечеркивала и сводила на нет... И он должен реагировать соответственно – в приюте следует навести полный и безусловный порядок. А миссис Бэрроуфилд пеняет пусть на себя – в ее должности непозволительно вести такой образ жизни, а он как управляющий герцога не имеет права и не хочет попустительствовать всему, что происходит в приюте. Там, где дети – независимо от сословий, – не место пороку.

– Кроме того, – продолжил он твердо, – миссис Кингстон наймет служанок, которые займутся работой по дому, а заодно будут присматривать за детьми.

Помедлив, он добавил с оттенком раздражения в голосе:

– Не могу только понять, что случилось с учителями?! При герцогине Анне, если не ошибаюсь, в приюте их работало сразу несколько... Она сама их приглашала, после личной беседы. Ей до всего было дело...

– Две дамы-учительницы ушли по старости, и на их место уже никого не взяли, – с готовностью ответила Тара. – Но они очень много знали, особенно исторических сведений! Одна из учительниц, миссис Гладсон, рассказывала нам о Марии Стюарт... – И Тара примолкла, видимо, вспоминая о том времени, когда совсем еще девочкой она завороченно слушала о королеве Шотландской и Английской, чью жизнь оборвал удар гильотины. – А еще раньше была Боудикка в истории Англии, ее имя значит «победа» – когда умер муж этой женщины, римские завоеватели заняли ее земли, лишили высокого титула, и она, возмущившись, полная гнева, возглавила целое восстание против римлян, но потом, не сумев победить до конца, отравилась, приняв яд какого-то опасного для жизни растения. Я бы очень хотела узнать о Боудикке

побольше!.. – Тара вздохнула, и этот глубокий вздох красноречиво говорил о ее сожалении, что она не может сполна утолить свою жажду знаний.

Мистер Фолкерк смотрел на нее с интересом и ожидал, что она скажет дальше. И не мешал ей. А она говорила и говорила.

– И про леди Годиву рассказывала миссис Гладсон!.. Как она проехала без одежды на лошади по всему городу Ковентри, чтобы ее муж снизил налоги для своих подданных, такое он предложил ей условие в ответ на ее просьбу, уверенный, что она из скромности отклонит его дерзкое предложение. Но леди Годива посмела! Только волосами укрылась... А жители в благодарность занавесили окна, и никто-никто не выглядывал и не подсматривал! Только один посмел, но за это боги наслали на него кару – ослеп он! Но вы только подумайте, какое условие выдвинул муж леди Годивы, не желавший снизить налоги, как просила его жена, страдавшая жителям! А она оказалась такая смелая женщина! Просто удивительно, что такие вообще бывают на свете...

Она в восхищении замолчала, и мистер Фолкерк снова ей не мешал. Через некоторое время Тара заговорила опять:

– А последняя учительница, миссис Мидлоу, она была вовсе не старая, но уволилась из приюта с полгода назад, когда поняла, что не может справиться со старшими мальчиками. Хотя она тоже очень старалась и была знающая, любила то, чему нас учила – она учила нас английскому языку! Но ее мало кто слушал из детей, она очень переживала и плакала, зато мы с ней, случалось, беседовали, когда выпадало свободное время, однако нечасто... Иногда она диктовала мне, а я писала в тетрадку, она потом проверяла написанное. Миссис Мидлоу диктовала прямо из книжки, и мне всегда было очень интересно узнать продолжение, так что я очень ждала нашего очередного урока.

И, помедлив, она пылко произнесла тоном едва ли не умоляющим, защищая несчастных преподавательниц:

– Они все были очень, очень хорошие! Но в приюте так трудно работать! Кто же пойдет туда? Детей же надо еще и воспитывать, а с ними просто нет сладу, с некоторыми особенно...

Тара с тревогой взглянула на мистера Фолкерка – сказать, не сказать? Сказать.

– Я сама учила младших, – поколебавшись, застенчиво прошептала она, – когда у меня было время. Но с малышами на руках, конечно, трудно думать о чем-то еще, кроме них...

– И вот тогда ты и рассказывала им сказки! – с улыбкой одобительно кивнул мистер Фолкерк. Но какова эта Тара? И она еще рассуждает о смелости легендарных женщин из истории Англии! Да разве не отважна она сама, эта синеглазая хрупкая девочка, почти ребенок? – Наверняка все дети, и совсем малыши, и постарше, предпочитали твои чудесные сказки всему остальному...

– Да. Для них это было как самая большая награда, как праздник, – серьезно согласилась с ним Тара, и по ее лицу скользнула легкая тень улыбки, однако она вынуждена была подавить новый всхлип. – И позволяло... позволяло утомить их... утихомирить... на какое-то время...

– Не сомневаюсь, – ласково промолвил мистер Фолкерк, не думая ее успокаивать, поскольку знал: когда успокаивают, эмоции обостряются, надо отвлекать того, кто безутешен, он должен начать думать о чем-то другом, и самое лучшее, что можно придумать для того, кто страдает, – это новые впечатления. А они у Тары уже начались, значит, скоро она успокоится, а пока пусть печали возьмут свое, в конце концов, вот так одним махом чувства не переменишь! – И все же я намерен добиваться того, чтобы к приюту прикрепили настоящих учителей, – как ни в чем не бывало делился он планами со своей спутницей намеренно деловито, рабочим, почти суровым тоном. – Как это было в прошлые годы.

– Вот будет здорово! – подхватила Тара, блестя глазами в мокрых ресницах. Влажные, ресницы ее были еще темнее. – Жаль, что пришлось уехать. Мне еще столькому хотелось бы научить малышей и многому выучиться самой!

– А много ли досталось на твою долю уроков с учителями? – все так же деловито спросил мистер Фолкерк.

– Не так уж много, – просто ответила Тара. – Но я старалась запомнить всё, что слышала, и потом обдумать. Вот и священник наш, преподобный Тэлмидж, был очень добр ко мне, я его очень внимательно слушала и всегда задавала ему вопросы. Он на все на них отвечал. Но он умер. Уже год назад... В начале прошлого лета. День был очень холодный, дождливый, дул сильный ветер...

По тому, как всё это было сказано, мистер Фолкерк понял, что в глубине души она до сих пор оплакивает эту утрату – не просто наставника, а взрослого друга.

– А что это был за священник... ваш преподобный Тэлмидж, ты не расскажешь? – деликатно спросил он, испытывая неподдельный интерес к укладу жизни в приюте и ко всему, что там делала Тара, что она чувствовала. Эта девочка просто поражала его неожиданностями, какие скрывала ее натура – богатая, впечатлительная, одаренная.

– Из пресвитерианской церкви в Челси, – охотно ответила Тара. – Пожалуй, она одна такая на весь Лондон.

– Он проводил службы у вас в приюте?

– Каждое воскресенье! А еще он приходил два-три раза в неделю, чтобы объяснять нам Писание...

Она тихонько вздохнула.

– Это было так интересно! Иногда прямо как сказка! А еще преподобный Тэдмидж давал мне разные книги.

– Выходит, ты любишь читать? – с удивлением спросил мистер Фолкерк. Хотя чему удивляться...

– Я обожаю читать! – пылко воскликнула Тара. – Но после смерти преподобного Тэлмиджа у меня не осталось ничего, кроме подаренной им Библии.

Она взглянула на мистера Фолкерка с робкой улыбкой:

– Порой мне кажется, что я знаю ее наизусть. Но что меня больше всего поражает в Библии, так это то, что там столько красивых, ярких и сильных женщин! Ярких характером, силой чувства и воли, однако и нежных, любящих... Взять хоть Сарру, она в самом начале! И вообще в Библии женщине уделяется очень большое внимание, она принимает участие в стольких важных событиях! А после Сарры идут Дебора, Юдифь... Вот Юдифь! Вы только подумайте, она в стане врага обезглавливает Олоферна, тайно проникнув на вражескую территорию. Прямо дух захватывает от этих историй! Читала бы и читала... Конечно, не ради трагических сцен... Но такой при всем этом простой и возвышенный слог... Хотя я вот думаю – а что, если бы Юдифь не Олоферна убила, а примирила бы один враждующий лагерь с другим? Может быть, это сделало бы иными и все последующие события? И столько людей остались бы жить, и у них были бы дети... Или такие мои мысли – неправильные? Я не должна думать так примитивно, обыденно, а должна просто читать Библию, запоминать все, что там сказано, и не совершать дурных поступков и не иметь никаких дурных мыслей?.. Так?.. Но мне все-таки очень интересны сильные женщины... Откуда такие берутся? Откуда?.. – Тара помолчала секунду. И снова вздохнула – в этом вздохе звучало разочарование. – Я совсем не такая, хотя мне тоже хочется чему-то у них научиться, у всех этих женщин, у каждой разному.

Вот так Тара, вспыхнул в голове мистера Фолкерка маленький фейерверк. Теперь понятно, чем объясняется ее превосходный английский, даже какой-то по временам неуловимо изысканный, с легким налетом книжности и вместе с тем детской восторженности... Он еще раньше заметил, что речь Тары и ее словарный запас явно не соответствуют тому,

что можно было бы ожидать от скромной воспитанницы сиротского приюта. А ларчик просто открывался... Вот она какая, эта юная Тара, которую он везет в замок Аркрейг! Оценит ли ее герцог? Поймет ли?

– В замке его светлости обширная библиотека, – не выказывая тем не менее своего изумления, лаконично проговорил он, желая обрадовать Тару и отчасти успокоить себя. Тара все больше занимала его ум и сердце.

Взгляд у той на мгновение осветился предвкушением и каким-то даже азартом, но тут же погас.

– Не думаю, – сдержанно отвечала она, – что его светлость допустит меня... разрешит мне прикасаться к своим книгам...

– Напротив, я абсолютно уверен, что он охотно даст их тебе почитать, если только ты будешь бережно обращаться с ними, – с горячностью, какой Тара не ожидала от этого господина, возразил мистер Фолкерк. – К тому же у меня у самого неплохая библиотека. Можешь пользоваться ею в свое удовольствие.

– Это правда, сэр? – в голосе Тары смешались восторг и благодарность.

– Да, правда. У меня и при себе есть несколько книг. Как только мы остановимся отдохнуть, я распакую вещи, и ты сможешь выбрать что-нибудь прямо в дороге. Есть даже стихи. Боюсь только, кое-какие из моих книг покажутся тебе слишком скучными.

– Разве могут книги быть скучными? – почти мучительно воскликнула Тара. – Больше всего на свете я люблю читать. Я всегда жалела, что у меня нет денег на газеты, но миссис Бэрроуфилд сказала, что мы не можем себе это позволить.

Мистер Фолкерк еле заметно нахмурился. Он уже решил для себя, что уговорит герцога отправить миссис Бэрроуфилд на пенсию, наняв на ее место разумную, добросердечную, честную женщину. Требовалось только найти кого-то, кто не просто будет заботиться о детишках, но сможет подготовить их к самостоятельной жизни, которая для большинства сирот начинается в двенадцать лет. Но если что и тревожит больше всего, так это явная нехватка в приюте хорошей еды и одежды. Взглянув на Тару, он с облегчением обнаружил, что ее серое платье не только чистое, но и в приличном состоянии. Ясное дело, красотой оно не отличалось, но чего еще можно было ожидать от герцогини Харриет, по приказу которой шилась эта униформа? Основательница «Приюта безымянных» была суровой шотландской дамой, не склонной, по общему мнению, «к разного рода финтифлюшкам». На самом деле, подумал мистер Фолкерк, Тара была бы очень привлекательной, если бы не эта крайняя худоба, которую не в силах скрыть даже черный дорожный плащ.

– Я хочу заключить с тобой уговор, Тара, – неожиданно для себя предложил он.

– Уговор? О чем же? Со мной? – встревожилась Тара и оторвалась от окна.

– Именно. – Мистер Фолкерк загадочно улыбался. – Я одолжу тебе свои книги, если ты согласишься... съесть все, что я буду предлагать тебе во время наших обедов!

У Тары вырвался тихий смешок облегчения.

– Уверяю вас, сэр... я не из тех, кто откажется от еды. И я не жеманна...

Но ее многообещающее заявление, как выяснилось позже, оказалось слишком оптимистичным. Добравшись до Балдока, они остановились на ночь в дорожном трактире. Спальня, которую выделили Таре, превзошла все ее представления о роскоши и удобстве. Вымыв руки и лицо, она переоделась в еще одно серое платье, которое как две капли воды походило на первое. И после этого поспешила в гостиную, чтобы поужинать с мистером Фолкерком.

По нескольким фразам, брошенным ее спутником, Тара догадывалась, что он тоже переоденется к ужину, но она и представить себе не могла, как изменит его вечерний наряд. Она с изумлением взирала на элегантный костюм с длинными лапами и туго накрахмаленный муслиновый галстук. Но и этому восхищению суждено было померкнуть, когда она увидела то море

еды, которое внесли в гостиную хозяин трактира и две служанки в опрятных чепцах и фартучках с оборками на плечах и по низу.

Первыми подали горячие блюда: густой суп с пряностями, баранью ногу и парочку голубей, поджаренных на вертеле.

От множества закусок у Тары и вовсе разбежались глаза. Тут были холодная говядина, пирог с устричной начинкой, ломоть свинины, студень, который настоятельно порекомендовал им хозяин трактира, несколько жирных цыплят и большой кусок ветчины.

– Думаю, Тара, ты проголодалась не меньше меня, – с довольным видом проговорил мистер Фолкерк, усаживаясь за стол и сглатывая слюну.

Он с одобрением отметил, что Тара немного выждала, чтобы посмотреть, какой ложкой он будет есть, и только после этого принялась за суп.

Ела Тара на удивление быстро. Причем у мистера Фолкерка сложилось впечатление, что она изо всех сил сдерживается, чтобы не орудовать ложкой еще быстрее.

Как только с супом было покончено, хозяин поставил на стол блюдо с роскошным палтусом. Он долго извинялся, что не принес его раньше, но жена только-только приготовила его «для смены», пояснил он.

– Я знаю, вам должно понравиться, сэр, – сказал трактирщик. – И маленькой мисс это наверняка придется по вкусу.

Мистер Фолкерк заметил, что Тара взяла с блюда лишь пару ложечек рыбы. По взгляду, какой она бросила на него, было ясно – взять больше она просто стесняется, но была бы не прочь. Он ничего не сказал, но, когда дело дошло до баранины, сам щедро наполнил ее тарелку.

Только покончив со своей порцией, он заметил, что Тара съела не больше четверти того, что он положил ей.

– Не любишь баранины? – спросил он.

– Боюсь показаться неблагодарной, сэр, но я не в состоянии проглотить больше ни одного кусочка. – Тихонько вздохнув, она добавила: – Если бы можно было отправить часть этой еды в приют!

– В настоящий момент меня волнует не столько приют, сколько ты, Тара, – честно признался ей мистер Фолкерк. – Помнится, ты обещала мне съесть все, что будет лежать у тебя на тарелке.

– Да, сэр, я обещала... но это невозможно... совершенно невозможно. Я съела столько, что в меня уже просто не помещается!

– А что ты ела сегодня?

Последовала пауза.

– Я хочу знать, – настаивал мистер Фолкерк.

– Кусок хлеба... с капелькой жира... на завтрак, сэр, – пролепетала Тара. – А в обед... было так мало еды, что на всех просто не хватило, и я отдала свою порцию детям.

– Я уже пообещал тебе, что в скором времени с детским голодом будет покончено, – строго отреагировал мистер Фолкерк. – Поэтому я хочу, чтобы ты питалась как можно лучше. Вряд ли твоим детишкам поможет, если ты уморишь себя голодом. Не забывай, его светлости ты нужна здоровой и сильной.

– Я постараюсь... я... правда постараюсь, – с легким испугом пообещала Тара, но при словах о «ее детишках» на глаза ее навернулись слезы, и она быстро уткнулась в тарелку.

По настоянию мистера Фолкерка она умудрилась впихнуть в себя несколько ложек студня, который, по словам хозяина, сделал бы честь любой кухне. Зато мистер Фолкерк отдал должное всем выставленным перед ними блюдам, которые, как заверил он Тару, были куда лучше того, что им могли предложить в других таких же трактирах.

Еще он выпил бутылку дорогого кларета, но Таре вина предлагать не стал.

Рано утром они вновь отправились в путь. Тара поначалу сидела тихо, о чем-то думала, и мистер Фолкерк ее не тревожил, понимая, что должно пройти какое-то время, пока ее чувства улягутся. Вот тогда они и поговорят. Но, как позже выяснилось, Тару душили вопросы, однако она не решалась допытывать ими спутника. А тот обнаружил вдруг, какое это захватывающее состояние – представить себе, что думает и чувствует девушка, которая почти что восемнадцать лет провела взаперти и теперь не отрывает глаз от окна. Ему было и жаль ее, но и было отраднo, что она наблюдает иные окрестности, чем те, что она знала вблизи приюта. А потом его приятно удивила рассудительность Тары, а также тот факт, что благодаря чтению и природному воображению она оказалась намного смышленей, чем можно было предположить.

Он с интересом наблюдал за ее реакцией на новую обстановку и внимательно прислушивался к тому, что она говорила. Сейчас она заговорила о богатых и бедных.

– Даже странно, сэр, что в Лондоне так много настоящих богачей, которым нет никакого дела до тех, кто нуждается в самом необходимом.

– Ты имеешь в виду людей с улицы? – уточнил мистер Фолкерк.

– Да, сэр. Нищих, к примеру, или таких старух, как Мэри. Ей уже много лет, а она вынуждена работать в приюте, чтобы не умереть с голоду. Почему бы тем, у кого есть деньги, не позаботиться о них?

– Я и сам нередко думал об этом, – честно признал мистер Фолкерк. Такие мысли действительно не раз приходили ему в голову.

– Или дети. Они тоже страдают, но никому нет до них дела. Доктор часто говорил, принося нам малюток, что, если мы не возьмем ребенка, он просто умрет от небрежения. Или его швырнут в реку, чтобы избавиться от такой обузы!

Голос ее дрогнул, и это яснее всяких слов показывало, насколько она чувствительна, как ей больно все это слышать и знать – что, опять-таки, было весьма необычно для девушки ее воспитания.

– Будь я богатой, – продолжила Тара, – а я иногда представляла, будто у меня есть целый миллион фунтов... я бы непременно построила бесплатные школы для ребятишек.

– Думаешь, им бы понравилось там? – улыбнулся ей мистер Фолкерк. – Дети нечасто любят учиться. Да и зачем им учиться? Они же будут просто работать по дому и по хозяйству...

– С образованием проще найти хорошую работу, – уверенно объяснила Тара. – Хозяева, приходившие в приют за подмастерьями, часто спрашивали, умеют ли мальчишки считать, читать и писать. В случае с девочками это было не так уж важно.

– Так ты считаешь, что детей непременно нужно учить писать и читать?

– Уверена! Нет ничего чудеснее, чем чтение книг!

– Наверняка ты обнаружишь немало других вещей, – с покровительственной улыбкой заметил мистер Фолкерк, – которые покажутся тебе не менее захватывающими, чем чтение.

После непродолжительного молчания, свидетельствующего о том, что она обдумывает его слова, Тара поинтересовалась, оставив без ответа его последнее замечание относительно сравнительной ценности чтения:

– Как вы думаете, зачем я понадобилась его светлости? Может быть, он хочет, чтобы я присматривала за детьми в замке?

– Я сам теряюсь в догадках... – начистоту ответил ей мистер Фолкерк. – И детей в замке нет... Его светлость приказал мне привезти девушку из приюта, и я поспешил выполнить его распоряжение, вот и все, что я могу сказать тебе.

– Миссис Бэрроуфилд сказала, что вы – управляющий его светлости.

– Так оно и есть, – подтвердил мистер Фолкерк. – Я был управляющим у последнего герцога, а когда тот умер, стал служить его сыну, пятому герцогу Аркрейгскому.

– А герцогиня в замке есть?

– Герцогиня... недавно скончалась.

– И детей у нее, значит, не было – ведь невозможно, чтобы они были в каком-нибудь другом месте? Или все же возможно? Я подумала, возможно, меня берут в Шотландию, чтобы я присматривала за детьми!

– Детей в поместье, конечно, полным-полно... Но за ними тебе не придется присматривать. И за якобы детьми герцогини – тоже. – Он усмехнулся, произнеся последнюю фразу.

– Тогда, пожалуй, меня сделают прачкой, – размышляла вслух Тара. – Я хорошо стираю – особенно если есть мыло.

Мистер Фолкерк ничего не ответил, просто посмотрел на нее. Тара была сосредоточенна и серьезна.

– Я бы не хотела работать на кухне, – продолжала она, – но выбора, как я понимаю, у меня нет. Придется делать то, что прикажет его светлость.

– Мы все должны беспрекословно выполнять его распоряжения! – отозвался мистер Фолкерк с некоторой даже горячностью.

Расспросы Тары относительно ее будущих обязанностей в замке лишь подогрели его досаду на герцога, который не удосужился объяснить ему всё в деталях. Они оба были так взбудоражены тем, что случилось во Франции, что он не стал настаивать на дополнительных разъяснениях, как сделал бы это в любой другой ситуации.

Отдав приказание доставить ему девушку из приюта в Шотландию, герцог тут же отправился в путь в своей дорожной карете, которая уже поджидала его у дверей. Сопровождали его светлость четверо верховых, а за каретой следовало ландо с вещами герцога, его камердинером и секретарем. Последнего мистер Фолкерк поспешил проинструктировать на предмет оплаты счетов на тех постоянных дворах, где им предстоит останавливаться. Однако его все же обескуражило то, что его не взяли в поездку. И вот теперь пришла пора задуматься, а правильно ли он понял отданные ему распоряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.